

Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации

Легенда о таинственном перевоплощении императора Александра I в старца Федора Кузьмича уже многие десятилетия будоражит умы человечества. Великая тайна, зародившаяся 182 года тому назад в захолустном Таганроге и унесенная в могилу ее участниками, не раскрыта и по сей день. Мы не беремся утверждать или опровергать истинность того или иного события. Мы лишь предлагаем взглянуть на данный исторический факт, как на возможно допустимую версию глазами людей, которые являлись хранителями не только государственных, но и личных тайн российских монархов – офицеров для особых поручений императора Александра I.

26 августа 1825 года, в своей последней беседе с Александром I, Карамзин недвусмысленно обмолвился: «Государь! Ваши дни сочтены. Вам нечего более откладывать, а вам остается еще столько сделать, чтобы конец вашего царствования был достоин его прекрасного начала».

Николай Михайлович отчасти слухавил. Не таким уж безоблачным было восшествие молодого цесаревича на российский престол. Его «прекрасное начало» было обагрено кровью Павла I, убитого масонами в результате заговора. Будучи, уверенным в том, что заговорщики "не станут покушаться" на жизнь императора, Александр Павлович рассчитывал на бескровный финал драмы, т.е. всего лишь на арест своего отца. Но графу Палену, инициатору заговора, достаточно уже было одного того, что цесаревич сам дал согласие на устранение Павла I от власти. Доверчивый и безвольный, Александр Павлович, взяв с Палена устную клятву «не проливать кровь государя», не мог себе даже представить, что она окажется всего лишь пустым, ничего не значащим обещанием. «Я дал ему это обещание, я не был так безрассуден, чтобы ручаться за то, что было невозможно. Но нужно было успокоить угрызения совести моего будущего государя. Я наружно согласился с его намерением, хотя был убежден, что оно невыполнимо», – вспоминал граф Пален. То, что произошло в Михайловском замке в ночь с 11 на 12 марта 1801 года ученые и историки расписывают с точностью до минуты, кроме одного – кем и как был убит Павел I? На этот счет имеется несколько версий. Чаще всего говорят, что, уже, будучи в царских покоях, Николай Зубов, зять А.В. Суворова, нанес Павлу I удар по голове увесистой табакеркой (1), затем, сбив с ног, заговорщики пинали ногами, всячески глумились над телом умиравшего императора. И лишь скарятинский шарф, накинутый на шею государя, поставил точку в этой кровавой вакханалии (2). Увидев насмерть перепуганного наследника и крепко схватив его за руку, Пален повелительным тоном произнес: «Будет ребячиться! Идите царствовать,...» (3). Ужас и смятение охватили сознание Александра Павловича. Потрясение от невольного соучастия в убийстве своего отца было настолько велико, что оставило на сердце молодого императора «кровоточащую рану», а всю дальнейшую его жизнь превратило в одно бесконечное самобичевание. Приняв из еще не остывших рук Павла I скипетр самодержца, Александр I осознавал то, каким тяжелым бременем для него окажется его будущее царствование. Наследник попытался было отказаться от престола, но, подавленный неожиданным поворотом событий и, боясь быть всенародно разоблаченным, он проявил сиюминутную слабость, поддавшись на угрозы и шантаж со стороны «верноподданных извергов». Известный русский писатель и журналист

Н.И. Греч писал: «Он мог снести все – лишения, оскорбления, страдания, но мысль о том, что его могут подозревать в соучастии с убийцами отца, приводила его в исступление».

Как бы там ни было, 12 марта 1801 года Александр I вступил на российский престол. Свои реформы он начал с устранения ошибок, ранее допущенных Павлом I. К примеру, чего стоил его один только Указ о массовой политической амнистии (Указ «О прощении людей, содержащихся по делам, производившимся в тайной экспедиции») в основе которого лежали «три незабвенных слова: отменить, простить, возратить». Это позволило снискать Александру I популярность буквально во всех слоях русского общества. За молодого царя молилась и Русская Православная церковь. Митрополит Платон с крестом в руках, указывая на Александра, говорил: «Смотрите, православные, каким Бог наградил нас царем – прекрасен и лицом и душою!»

*«Мир возглавит вождь, великий Хирен,
Более всех любим народом будет,...»*
Нострадамус, катрен 6,70

Победа над Наполеоном, вход во главе русских войск в Париж (19 марта 1814 г.), Венский Международный конгресс (28 мая 1815 г.) на котором император Александр I, от лица России выступил в качестве арбитра Европы и многое другое, лишь приумножили и без того его немеркнущую славу.

*«Слава его к небесам взовьется,
И присвоят ему титул Победителя».*
Нострадамус, катрен 6,70

Но никакая лесть и заслуги перед своим Отечеством не способны были вытравить из памяти молодого императора то, что произошло в ту роковую ночь в Михайловском замке. «Ужасное сознание участия его в замыслах, имевших такой неожиданный для него, терзательный исход, не изгладилось из его памяти и совести до конца его жизни, не могло быть заглушено ни громом славы, в рукоплесканиями Европы своему освободителю... Смерть Павла отравила всю жизнь Александра: тень отца, в смерти которого он был невиновен, преследовала его повсюду. Ни труды государственные, ни военные подвиги, ни самая блистательная слава не могли изгладить в памяти Александра воспоминаний о 12 марта 1801 года», – писал Н. И. Греч.

Внутренний душевный дискомфорт, с годами переросший в комплекс вины за содеянное, угнетал и без того чувствительную, склонную к мистицизму, душу Александра I. В пожаре Москвы в 1812 году, в наводнении, обрушившемся на Санкт-Петербург 7 ноября 1824 года и повлекшем за собой неисчислимые бедствия, в незавершенности реформ по облегчению участи своего народа и др., он усматривал кару Всевышнего за совершенный грех отцеубийства. Все чаще в его сознании проскальзывала мысль о добровольном отказе от власти. В одном из своих писем В.П. Кочубею он говорил: «Возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления; это выше сил не только человека одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения... Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприглядного поприща (...) поселиться с женой на берегу Рейна, где буду жить спокойно частным человеком». Мечты, зародившиеся еще в юности, и укоренившиеся в сознании сорокавосемилетнего императора, грозили воплотиться в реальность. Недаром, Гете предупреждал, что следует опасаться грез

молодости, потому что они обязательно сбудутся в старости.

Еще в 1819 году, в узком семейном кругу он объявил о своем намерении абдикировать (4), но притом сразу же оговорился, что для этого еще не настал его час. Августейшая семья, в полном оцепенении выслушала откровение Александра Павловича, лишь Константин, посвященный одним из первых в тайну своего брата, воспринял ее с чувством иронии, дав понять Александру, что его (Константина) тем более не тяготит стремление получить из его рук престол. Казалось, будто бы, Александр Павлович, искал в своих собеседниках сочувствующих единомышленников, которые могли бы искренне одобрить его выбор, но каждый из них по-своему оценивал желание императора «оставить этот мир», ради искупления своего греха. Лица, которые были посвящены в личные планы государя, обладали особым доверием Его Императорского Величества: баронесса Крюденер, генерал Васильчиков, французская писательница госпожа де Сталь, принц Вильгельм Орлеанский, посетивший Санкт-Петербург весной 1825 года, Вильгельм Прусский, Н.М. и Е.А. Карамзины и другие. Все чаще в этом кругу оказывались духовные лица и старцы, у которых император испрашивал благословения.

По мере обострения душевного кризиса Александр I все больше ощущал стремление внутреннего контакта с Богом. Видя в Нем единственно верный путь к спасению своей души, он все чаще обращался к молитве. Однажды император признался: «Возносясь к Богу, я отрешаюсь от всех земных наслаждений. Призывая на помощь Бога, я приобретаю то спокойствие, тот душевный мир, который не променяю ни на какие блаженства здешнего мира». Из безвольного, подавленного внутренним страхом мистика, император превращался в глубоко верующего христианина. Его путешествия по дальним уголкам Российской империи, со временем, перестали быть похожими на строго регламентированные поездки главы государства. Посещая монастыри и церкви, охотно беседуя с людьми духовного звания, Александр I готовил себя на затворничество.

Сблизившись, после поездки на Валаам (1819 г.), с архимандритом Юрьева монастыря Фотием Спасским, который впоследствии стал духовником императора, Александр Павлович надеялся заручиться его поддержкой в своем решении оставить престол и уйти в затвор. Отличавшийся сильной волей и всеобщее известной строгостью характера, архимандрит Фотий не рискнул взять на себя ответственность за поступок царя и тем более за те последствия, которые он мог бы за собою повлечь. Существует версия, согласно которой император посетил преподобного старца Серафима из Сарова, благословившего Александра I на тайное оставление царского трона. Фактически, это было началом реализации давно созревшего плана, в котором инсценировка «мнимой смерти» русского царя должна была послужить появлению на исторической сцене нового действующего лица – старца Федора Кузьмича.

К более решительным действиям императора подтолкнула болезнь его супруги – Елизаветы Алексеевны. Имея возможность отправиться на лучшие курорты Европы, неожиданно для всех августейшая чета объявила о своем намерении удалиться в Таганрог. И это притом, что тамошний климат, в известной степени мог дурно повлиять на пошатнувшееся здоровье императрицы. Александр I не мог не знать, что портовый город в северной части Азовского моря был расположен на окраине огромных болот, которые, являлись неким продолжением Азовского залива. Старожилы, не без оснований окрестили то место «гнилым морем». «Почему именно в Таганрог?», – задавало вопрос императорское окружение. Вероятно у Александра Павловича, на этот счет были свои причины. Выбор все же был сделан. Буквально за месяц до отъезда (8 августа), Александр I утвердил схему маршрута, согласно которому он,

вначале должен был посетить Астрахань, затем проехать степями к Азовскому морю, а оттуда – в Таганрог. Составление карт по этому маршруту было поручено офицерам Генерального штаба П.А. Тучкову, Н.И. Шенигу и Кожевникову. 1 сентября 1825 года Александр I, под предлогом благоустройства таганрогского дворца, один, без свиты спешно (!) покинул Каменноостровский дворец. Глубокой ночью его экипаж остановился у ворот Александро-Невской лавры. Здесь Государя ожидали владыка Серафим, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский, архимандриты в полном облачении и вся братия. В соборной церкви Святой Троицы, перед ракой святого Благоверного князя Александра Невского, император отслужил молебен, после чего изъявил желание встретиться со схимником Алексием, духовным отцом Фотия. То, что увидел Александр I, переступив порог скромного жилища убеленного сединою старца, навело на государя грустное предчувствие. Полумрак, пронизательный взгляд с образов святых, озаряемых бликами лампад, которые едва ли могли добавить света в естественный фон полуосвещенного жилища. А главное, пустой гроб, со слов схимника, служивший хозяину не только его постелью, но и последним пристанищем для простых смертных. Что-то необычное, засвидетельствовалось в застывшем взгляде императора. Может быть, кто-то до боли знакомый, в сознании Александра Павловича, без того на то разрешения, на мгновение занял место схимника в пустом гробу? Казалось, в тот момент, само понятие «смерти», для императора потеряло свой зловещий смысл. Не оттого ли, перед самым отъездом из Лавры, Александр I, оставшись наедине с митрополитом Серафимом, попросил того отслужить за него панихиду (5)? Так или иначе, император стал воплощать задуманное в жизнь. Покинув Лавру, Александр I выехал из Петербурга. Где-то у заставы, привстав в коляске, он на мгновение обратил свой взор на спящий город – в последний раз.

По дороге в Таганрог к экипажу императора присоединилась его многочисленная свита: начальник Главного штаба Его Величества генерал-адъютант барон И.И. Дибич, доктора Я.В. Виллие и Д.К. Тарасов, обер-вагенмейстер, картограф царя полковник А.Д. Соломко, фельдъегерского корпуса капитан К.К. Годафроя (6), директор канцелярии начальника Главного штаба Ваценко, капитаны А.Г. Вилламов и Н.М. Петухов, гоф-фурьер Д.Г. Бабкин, метрдотель (он же повар Его Императорского Величества) ФИ. Миллер, камердинеры Анисимов и Федоров, певчий Берлинский и четыре лакея.

13 сентября 1825 года, император прибыл в Таганрог. Чуть больше недели понадобилось Александру Павловичу для того, чтобы внутренний и внешний интерьер дворца стал соответствовать тем условиям проживания, на которые добровольно обрекало себя августейшая чета. 23 сентября император встречал Елизавету Алексеевну на одной из почтовых станций, близ Таганрога (7). На этом, со слов Виллие, оканчивалась первая часть его путешествия.

Казалось, что здесь, вдалеке от светской суеты, скрывшись от всезамечающих глаз и пустых разговоров, Александр I начнет реализовывать давно созревшие планы, а императрица, наконец-таки обретет не только душевный покой, но утраченную любовь и внимание со стороны своего мужа. В одном из последних писем матери она писала: «Друзья с детства, мы шли вместе в течение тридцати двух лет. Мы вместе пережили все эпохи жизни. Часто отчужденные друг от друга, мы тем или иным образом снова сходились; очутившись, наконец, на истинном пути, мы испытывали одну сладость нашего союза». Большую часть своей жизни, тяготевший к путешествиям Александр I не преминул воспользоваться представившимся случаем отправиться в инспекционную поездку. Необычно быстрое выздоровление Елизаветы Алексеевны лишь ускорил отъезд государя, на этот раз, в Крым (!) 20 октября Александр I

покинул Таганрог. В этой поездке императора сопровождали: барон Дибич, медики Виллие и Тарасов, полковник Соломко, метрдотель Миллер и два его личных фельдъегеря – майор Михайлов и капитан Годафроя. В обычных вояжах по стране рядом с императором присутствовал лишь капитан Годафроя. На этот раз в царском поезде оказался еще один офицер для особых поручений – майор Михайлов. Какие поручения Александр I готовил в своем последнем путешествии своим особо доверенным лицам? Кому и какая роль была отведена императором в его далеко идущих планах? Некоторые историки отмечают необычно приподнятое в те дни настроение государя. Барон Дибич, отвечавший за личную корреспонденцию императора, в одном из своих писем Г.И. Вилламову (8) отмечал следующее: «...поутру Государь император осмотра в Знаменке и Водяной артиллерийские роты изволил иметь опять всю обыкновенную свою бодрость, входил во все подробности и, будучи весьма доволен, обходил все заведения сих рот». На самом же деле одна мысль чернее другой посещали сознание Александра I: недавнее убийство Настасьи Минкиной, сожительницы графа Аракчеева, тайные общества, грозившие стране политическим заговором. А главное, страх перед теми, кто мог бы его, Помазанника Божия, табакеркой в висок и с удавкой на шее заставить освободить и без того ненавистный ему трон. Нет, лучше добровольно и тайно! Сразу же вспомнился черный пустой гроб схимника Алексия. Тогда, в полумраке, императору показалось, что похоронные убранства лежавшие в гробу были приготовлены не иначе, как для него, а остатки больного воображения дополнили печальную картину увиденного, представив в сознании Александра Павловича покойника с очень знакомым ему лицом. Маршрут двухнедельного вояжа императора по городам крымского полуострова пролегал через Симферополь, Гурзуф, Никитский сад, Ореанду – имении, приобретенном Александром I у графа Кушелева-Безбородько, Байдару, Балаклаву. На полпути от Знаменки к Орехову царский кортеж нагнал фельдъегерь Масков (9), который, кроме государственной корреспонденции, вез личные письма из Санкт-Петербурга от Марии Федоровны и из Таганрога (с заездом) от Елизаветы Алексеевны. Вручив императору депеши, он, по приказу Александра I присоединился к царскому кортежу. Дальше все случившееся происходило на глазах государя: на крутом повороте, не доезжая нескольких метров до моста, ямщик Маскова не справился с управлением своего тарантаса, отчего тот едва не опрокинул седоков в кювет. Но на этом лихая езда вошедшего в раж ямщика не закончилась. Видя, что с противоположного берега за происходящим наблюдал сам император и члены его свиты, он решил не останавливаясь, на еще большей скорости пронестись по мосту, тем самым выказать остальным ямщикам из царского кортежа, свой кураж и небывалую удаль. Но во всем оказалась виновата простая кочка из отвердевшей глины, на которую налетело заднее колесо брички фельдъегеря Маскова. Несчастный курьер, вылетев из тарантаса, ударился головой о землю. Тот час к месту трагедии, государем были посланы доктор Тарасов и фельдъегерь Годафроя. Все попытки облегчить страдания умиравшего фельдъегеря оказались тщетными. Он скончался не приходя в сознание. Вот, что писал в своем дневнике Тарасов: «Я поспешил на место приключения и нашел Маскова уже без дыхания, распростертым на земле; из носу и ушей у него текла кровь, пульсу не было, глаза стоячие с расширенною зеницею, дыхания не было, оставалось только едва заметное, редкое волнообразное движение в сердце. Исследовав бездыханное тело Маскова, я нашел, что он, при вертикальном падении головою, получил сильное сотрясение мозга с трещиною на основании черепа». О гибели курьера, государь узнал лишь глубоко за полночь. Остановившись на ночлег в Орехове, он с нетерпением ожидал прибытия Тарасова, но, узнав от него, что фельдъегерь Масков погиб, не стесняясь своих слез, выразил искреннее сожаление о произошедшем. Дибич, в своем письме Вилламову от 7 декабря 1825 года, писал: «По приезде в Орехов, когда получено было неприятное известие, что фельдъегерь Масков, ехавший в свите позади Его Величества, убится до смерти, то государь император

принял оно с живейшим участием и со свойственным Его Величеству всегдашним состраданием. При выезде 4-го числа из Орехова государь император получил бумаги, коих давно ожидал, но мне казалось замечательным, что Его Величество, не распечатал оных и не читал их в дороге...». Не исключено, что печальное известие не только потрясло императора, но и, отодвинув важные государственные дела на второй план, позволило, наконец-то определить недостающее звено в его замыслах. Все было готово для инсценировки таинственного исчезновения государя: захолустный Таганрог, из которого можно было без лишних проблем отправиться в любую точку империи и там раствориться под видом схимника, смерть императорского курьера, оказавшаяся как нельзя кстати, да и само болезненное состояние Александра I, подхватившего в поездке не весть какую болезнь, могло оказать ему добрую услугу. Но оставалось самое малое – распределить роли между теми, кто помог бы государю осуществить задуманное, а затем, вернувшись в Таганрог, умереть, да еще так, чтобы в эту смерть поверили самые близкие ему люди.

Итак, имея на руках четкий план действий, император 5 ноября 1825 года вернулся в Таганрог. Все последующие дни, предшествовавшие кончине государя – это нераспутанный клубок, череда необъяснимых противоречий, послуживших возникновению легенды о таинственном перевоплощении Александра I в старца Федора Кузьмича.

*Дул сильный ветер в Таганроге,
Обычный в пору ноября.
Многообразные тревоги
Томили русского царя,
От неустройства и досад
Он выходил в осенний сад
Для совершенья моциона,
Где кроны пели исступленно
И собирался снегопад.*

*Есть документы, дневники,
Но верным фактам вопреки
Есть данные кое-какие...
(неизвестный автор)*

Первое, с чем столкнулись историки, пытавшиеся разгадать причину смерти императора, это отсутствие единого мнения в вопросе самой болезни, ее характера и влияния на общее самочувствие больного. В дневниках лейб-медика Виллие и князя Волконского даются пессимистические прогнозы на саму возможность выздоровления Александра I. К примеру, Виллие, в своих записях отметил: «18 ноября. Нет ни малейшей надежды спасти моего обожаемого повелителя. Я предупредил императрицу и князя Волконского и Дибича...». Волконский, в тот же день записал следующее: «Полутру государь стал немного посильнее, что и продолжалось до вечера... В 16 часов 40 минут вечера опасность начала прибавляться и с тех пор он уже был в забытии». Совсем другое дело, записи, оставленные императрицей Елизаветой Алексеевной, в которых, что ни день, то ощутимый прогресс в самочувствии ее мужа. «Стофреген мне сказал, – писала она, – что можно считать болезнь пресеченной... Что я могу даже написать в Петербург, что болезнь уже прошла». Или запись, сделанная ею 11 ноября: «Он приказал мне сказать, что он провел ночь спокойно. Он казался довольно бодрым и голова его была свежа...». В отличие от дневников Виллие и Волконского, которые, с точностью до минуты отметили время смерти императора, записи Елизаветы Алексеевны

загадочно прерываются. Более того, в тот же день (11 ноября), со слов императрицы, Александр I напомнил своему камердинеру Федору Федорову подготовить уксусный раствор «для лица». Доподлинно известно, что с лица императора Александра I была снята посмертная маска. Не означает ли то, что уксус, приготовленный «для лица» государя мог послужить тем веществом, которое наносилось на кожу, согласно технологическому процессу изготовления масок. Так или иначе, (уже в наши дни) сотрудник кафедры судебно-медицинской экспертизы Сибирского государственного медицинского университета В.В. Федоров установил, что «посмертная маска Александра I была снята с лица живого человека». Заключение более чем ошеломляющее и дающее основание предполагать, что император загодя готовил свой «уход из жизни» и физическая смерть ни коем образом не входила в его планы.

Тем временем, неожиданно для всех Александр I заменил «уставшего» Виллие Тарасовым, который, также как и его предшественник, выразил сомнение относительно скорейшего выздоровления императора. Тарасов в те дни писал: «При самом моем входе, взглянув на государя, я был поражен его положением, и какое-то бессознательное предчувствие произвело решительный приговор в душе моей, что император не выздоровеет, и мы должны его лишиться». Августейшая супруга государя, Елизавета Алексеевна, понимая, что все способы врачевания исчерпаны, посоветовала своему мужу прибегнуть к последней возможности облегчить свою участь – позвать священника. 15 ноября, Александр I исповедовался, причастился и соборовался протоиерею местной церкви Алексею Федотову. Удивляет тот факт, что, будучи глубоко верующим христианином, император не счел необходимым допустить к себе священника в последующие дни, предшествовавшие его кончине. По православным канонам, находясь возле безнадежно больного, священник обязан читать молитвы, облегчающие его страдания. Следовательно, императора тяготила куда более важная мысль, чем мысль об уходе в мир иной. Так или иначе, смерть Александра I по официальным источникам наступила 19 ноября 1825 года в 10 часов 47 минут утра от горячки с воспалением мозга.

Если все же принимать во внимание тот факт, что Александр I инсценировал свою смерть, то самое время сказать о тех, кто помогал ему в этом. Называются разные имена и само количество участников этой драмы – от пяти до десяти человек. Логично. Чем меньше людей посвящены в тайные замыслы монарха, тем легче будет эту тайну сохранить. Но в данном случае, процесс инсценировки смерти Александра I с последующей подменой его «тела» на двойника, оказался куда более трудоемкой процедурой, чем это можно было себе представить.

Итак, непосредственными свидетелями и участниками тех событий были: императрица Елизавета Алексеевна, барон Дибич, князь Волконский, генерал-адъютант Чернышов, доктора Виллие и Тарасов, полковник Соломко, камердинер Федоров и фельдъегеря, состоящие при Его Императорском Величестве майор Михайлов, капитан Годе-фроя, капитан Маркович. Особая роль отводилась погибшему фельдъегерю Маскову. О нем следует рассказать более подробно. Казалось бы, сцена смерти императорского курьера расписана в таких подробностях и мелочах, что не может вызывать сомнений и тем более подозрений на саму ее причину. Ведь не для кого не секрет, что фельдъегерям из покон веков была свойственна быстрая езда. А их ямщики являлись настоящими мастерами своего дела. От их опыта и, не ошибусь, сказав, акробатической виртуозности, зависела не только своевременная доставка тех или иных государственных документов, но и порой сама жизнь императорского курьера. Недаром известный французский писатель, маркиз Астольф де Кюстин, которому посчастливилось путешествовать по России в одной бричке с фельдъегерем заметил, что

«...они обречены родиться и умереть в своей тележке...». Что же касается смерти Маскова, то на лицо рядовой несчастный случай, а кочку из отвердевшей глины, которая якобы явилась тем роковым препятствием на пути Маскова, посчитали виновницей его гибели. Не известно как бы был разыгран сценарий «мнимой смерти» Александра I, окажись эта злополучная кочка под задним колесом кареты Его Императорского Величества. И, все же, где в действительности перевернулась бричка с фельдъегерем – на крутом повороте не доезжая нескольких метров до реки или на мосту? Обратимся к воспоминаниям доктора Тарасова, опубликованным на страницах журнала «Русская старина» (10): «Горячая тройка (Маскова) подхватила с места и понесла к мосту вслед за государем; но при повороте на мост, кучер не управив, попал на кочку из отвердевшей глины. Телега на всем быстром стремлении сильно ударила о кочку, так что Маскова очень высоко выбросило вверх, и он ударился о твердую дорогу тычком головою...». Свою версию о случившемся представил историк В.И. Федоров в книге «Александр Благословенный – святой старец Феодор Томский: монарх – монах». Он, на основании архивных документов, утверждает следующее: «По дороге ямщик, везший Маскова, погнал лошадей и на повороте, наехав на глинистую кочку, вывалил седока, причем так несчастливо, что Масков, ударившись головой, остался на мосту без движений». Более того, ссылаясь на неназванные источники, Федоров предлагает нам куда более загадочную версию о судьбе несчастного фельдъегеря. С его слов, умирающий Масков получил квалифицированную помощь в виде яда, т.е. был отравлен. Кем и когда? Либо тем же Тарасовым, на мосту, либо ранее, кем-то из соучастников драмы в Таганроге, куда курьер заезжал за личной корреспонденцией от Елизаветы Алексеевны к императору. Если все же доктором Тарасовым, то данный факт мог бы означать только одно: после неудачного падения и полученной травмы, Масков вероятно еще был жив, но для того, чтобы ускорить смерть несчастного фельдъегеря и будущего кандидата на подмену, доктор незаметно для всех дал ему «лекарство», т.е. яд. Кстати, о присутствии в теле покойного (т.е. Маскова) некоего сильнодействующего вещества, способствовавшего необычно быстрому его разрушению, вспоминал и полковник Соломко. Не означает ли то, что отчет представленный доктором Тарасовым подавался Его Величеству, ни чем иным, как дезинформацией и в данном случае мы имеем дело с убийством еще живого, ни в чем не повинного человека? А Тарасов, в свою очередь, чтобы, как-то обезопасить себя от неблагоприятных последствий, представил государю результат осмотра «умиравшего» (или уже умершего) фельдъегеря, как о травме не совместимой с жизнью. Так или иначе, император никогда не узнал бы об этом, как впрочем, и мы с вами. Это осталось личной тайной доктора Тарасова и фельдъегеря Годефроя. Передав документы и личные вещи погибшего курьера майору Михайлову, тем же Тарасовым было дано поручение земскому исправнику похоронить Маскова «приличным образом». Что было незамедлительно исполнено. Труп фельдъегеря был предан земле недалеко от места его гибели, на кладбище, расположенном тут же на бугре, за яром. Сама процедура похорон больше походила на тайное погребение того, кто, будучи мертвым, мог оказать кому-то неоценимую услугу в его замыслах. Барон Дибич, строго выполнявший все поручения Александра I, взял под свой личный контроль похороны Маскова. Нарушив православные каноны, согласно которым усопшего предают земле на третьи сутки после кончины, он распорядился похоронить фельдъегеря уже на следующий день после его смерти, т.е. 4 ноября 1825 года. Доверенное лицо барона Дибича, хирург-практик Павел Вельч, посланный проследить конфиденциальность процедуры похорон, доложил своему хозяину о том, что ни могильщики, ни священник, никто кроме тех лиц, которые укладывали в гроб тело Маскова, «не имели возможности лицезреть покойника, по причине наглухо заколоченной крышки гроба. Все произошло в скорости и в надлежащем порядке». Но скажите, зачем, а главное, кому понадобилась такая таинственная поспешность? Вот вопрос, на который мы попытаемся ответить. Не исключено, что гроб опускали в могилу, будучи пустым, труп фельдъегеря

Маскова был переправлен и спрятан в другом, более надежном месте. Историк Федоров, на основании ранее изученных документов, высказал предположение, что «более надежного места, чем ледник в подвале таганрогского дворца», нельзя было себе найти. Ведь погибшего фельдъегеря готовили на роль двойника, который, по первому требованию «покойного» императора должен был заменить его на смертном одре. Барону Дибичу ничего не оставалось, как, воспользовавшись представленным случаем, припрятать труп Маскова именно в подвале дворца, поближе к Его Императорскому Величеству, о чем косвенно подтверждают записи оставленные княгиней Волконской. В них она описывала случай, свидетелями которого оказались обитатели дворца. За несколько дней до смерти Александра I, к двери, ведущей в ледник, стали сбегаться бродячие собаки, коих в окрестных местах было превеликое множество. Их вой, сопоставимый лишь с воем шакалов наводил леденящий душу ужас на все живое в округе. По приказу Волконского, охрана, дежурившая по внешнему периметру здания, за три дня перебила несколько десятков бродячих собак. Вероятно, природный инстинкт полудиких голодных животных, гнал их на трупный запах, т.е. оказавшись около подвальной двери, они могли чуть запах недостаточно замороженного трупа, а может быть и не одного. Недаром же, та часть исследователей, которая придерживается мнения о фальсификации Александром I своей смерти и последующей подменой его тела на двойника, называют еще одну, на эту роль, фамилию. Известный русский писатель Л.Н. Толстой, оказавшийся в числе приверженцев данной версии, в своей повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича», склонен был считать, что таинственным «дублером» императора мог оказаться унтер-офицер 3-й роты Семеновского полка Струменский. За побег, предпринятый, якобы, по личным мотивам, по приказу Аракчеева, он был разжалован в рядовые и прогнан сквозь строй 11 ноября 1825 года в Инженерном замке Таганрога. Со слов Толстого, накануне кончины Струменского (17 ноября), госпиталь, где «отдавал Богу душу» простой русский солдат посетил император. После беседы с доктором, который обнадежил государя неминуемой кончиной несчастного солдата, Александр I указал ему то место, куда следовало доставить тело умершего. Испросив с него клятву хранить молчание о раскрытой тайне, император вручил доктору позолоченный ключ от своей спальни, предварительно снабдив его соответствующими инструкциями и т.д. и т.п.. Данное предположение опроверг Н.К. Шильдер в своем фундаментальном труде «Император Александр Первый». Вот что по этому поводу он отмечал: «17 ноября. Проснувшись посреди утра, Александр приказал настежь открыть ставни и, погрузившись в ласковое тепло осенних лучей, воскликнул: «Как все это прекрасно!» Казалось, появилась слабая надежда, и Елизавета, вплоть до рассвета не отходившая от ложа мужа обрадовалась...». Доктор Тарасов, в свою очередь также отметил в дневниковых записях присутствие Александра I в царских покоях, несмотря на крайне противоположную оценку самочувствия государя, данную Шильдером. Со слов Тарасова, в те дни, т.е. 17-18 ноября, болезнь достигла высшей стадии своего развития и ночь перед своей кончиной, Александр I провел в забытии и беспамятстве. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что весь день 17 ноября и ночь на 18 ноября, император провел в постели под неусыпным присмотром лечащего врача и его августейшей супруги. Следовательно, ни о каком посещении в тот день госпиталя не могло быть и речи. Таким образом, толстовская история с «золотым ключиком» от потайной дверцы, ведущей в спальню самого Александра I, скорее всего так и останется ни чем иным, как попыткой в очередной раз выдать желаемое за действительность. А пока вернемся в царские покои, где все было готово к заключительной части драмы: труп фельдъегеря, ожидавший своей «почетной участи» и готовый по приказу «сильных мира сего» занять то место, куда будет ему указано, снятая с живого лица государя посмертная маска, как достоверное документальное свидетельство, оставляемое потомкам в память о величайшей тайне, которую ее хозяин сумел от них скрыть, императрица, без чувства скорби примерявшая черную вуаль,

сидя перед зеркалом в своей комнате, доктора, адъютанты и, наконец, фельдъегеря Его Императорского Величества, которым высочайше было приказано хранить до смертного часа их общую тайну. Но для того она и есть тайна, чтобы вокруг нее с неимоверной быстротой разрастались слухи, взросшие на самых нелепых и провинциально примитивных догадках. Еще не были готовы скорбные депеши о кончине Александра I Марии Федоровне, цесаревичам Константину и Николаю, а также другим высокопоставленным особам, когда народная молва о лжепокойнике почившим на царском одре, с присущим ей размахом охватила весь Таганрог. Утверждали будто-бы император вовсе не умер, а тайно покинул свою резиденцию и скрылся в неизвестном направлении. Назывались самые различные адреса и пути исчезновения русского царя, доходившие, порой, до фантастически абсурдных способов передвижения. К примеру, со слов садовника Александра I, государь покинул таганрогский дворец с помощью большого светящегося шара, опустившегося в назначенный час в дворцовом саду и т.д. и т.п. Камердинеру Его Императорского Величества Федору Федорову удалось за короткое время собрать целую коллекцию самых разнообразных слухов и историй, связанных с фальсификацией смерти Александра I. Среди большого их количества, одна версия, в контексте изучаемой нами темы, могла бы вызвать особый интерес. На страницах «Русского архива» (11) она выглядит так: из Балаклавы император проследовал до того места, где дорога отходила в Георгиевский монастырь. Там, пересев из коляски на лошадь, он приказал своей свите направляться в Севастополь и ожидать его к обеду. Взяв с собою фельдъегеря Годефроя и одного лишь татарина-проводника, Александр I, в одном мундире без шинели, направился в монастырь. Это было 27 октября (8 ноября). Невольно возникает вопрос, случаен ли был визит государя в Георгиевский монастырь? Быть может, он заранее готовил в его стенах себе временный приют, чтобы, дождавшись того дня, когда народная молва о его смерти утихнет беспрепятственно добраться до Сибири. Недаром, со слов доктора Тарасова, на конец 1825 года, Александром I, было намечено путешествие в Сибирь до Иркутска. Цель поездки – «осмотр дорог и составление подробного маршрута». Не для себя ли? Так или иначе, себе в попутчики из всей многочисленной свиты государь выбрал одного лишь Годефроя. Здесь уместно рассказать о нем, как о человеке, имя которого упоминается в исторических публикациях лишь в тех случаях, когда речь шла о выполнении сугубо личных поручений Его Императорского Величества, носивших конфиденциальный характер. Более того, являясь тенью Александра Павловича, Годефроя невольно посвящался не только в дворцовые, но и личные тайны государя, что по сути своей выходило за общепринятые рамки служебной инструкции, которой он так или иначе обязан был подчиняться. Своей безупречной службой Годефроя смог снискать к себе особое расположение августейшей особы. Этими доверительными отношениями, умело пользовались уже известные нам лица из императорской свиты. Любопытен случай, произошедший с Годефроем в одной из поездок, в которой он сопровождал Александра I. Эта курьезная история, пересказанная доктором Тарасовым, была опубликована на страницах журнала «Русская старина» (12). Однажды, путешествуя по северному региону российской империи, государь счел необходимым посетить Боровичи. Отстояв обедню в соборной церкви, он, как подобает главе государства, принял в своей резиденции, так называемую «администрацию города»: предводителя дворянства, чиновников всех рангов, почетных граждан и купцов. Было уже около полудня, но метрдотель Миллер еще не прибыл. Отсутствие «на своем рабочем месте» повара Его Императорского Величества могло вызвать не только недоумение у Александра I, но и его праведный гнев. Об этом, в первую очередь думал и барон Дибич на которого этот гнев пал бы в первую очередь. Находясь в большом затруднении насчет обеда для государя, которому было некому приготовить, он созвал свитский совет. Не имея ни малейшего представления о том, как готовится пища вообще, все, единодушно указали на императорского фельдъегеря. Оказавшись «крайним» в этой крайне непростой ситуации, Годефроя ничего не оставалось, как

покориться судьбе и на время сменить свой мундир на поварской колпак. В тот день на императорский стол было подано:

1-е, стерляжья уха;

2-е, поросенок под галантиром;

3-е, разварной судак;

4-е, жареные рябчики

и 5-е, десерт, состоящий из фруктов, какие только можно было найти в Боровичах за столь короткое время. Тарасов, в своем дневнике отметил: «Годефроя поручение свое выполнил с полным успехом; в четвертом часу государь кушал этот импровизированный обед с полным аппетитом и остался им совершенно довольным, так что новый метрдотель заслужил благодарность Его Величества... и нашу общую». Во истину пророческими являются слова, сказанные А.С. Пушкиным: «Без фельдъегерей, у нас грешных, ничего не делается...».

Ситуация, в которой оказался Годефроя, на первый взгляд, не представляла ничего особенного: Дибич приказал, Годефроя исполнил, государь накормлен, империя может гордиться своим героем. На самом же деле, приняв пищу из рук своего порученца, император тем самым выразил ему свое безграничное доверие. А это означало, что, в любой другой ситуации, он мог бы доверить ему больше, чем свою жизнь. Но оставим на время поварские способности императорского курьера и вернемся в таганрогский дворец, где, в течение первых суток, с момента кончины государя, полным ходом шла работа по перевоплощению погибшего Маскова в некое подобие «покойного царя». Несмотря на то, что задуманный Александром Павловичем сценарий был расписан до мелочей и каждый из посвященных в его тайные замыслы старался с наибольшей достоверностью сыграть свою роль, все же были моменты, когда участники таганрогской драмы, либо с той же достоверностью переигрывали их, либо в истинный ход событий вмешивались непредвиденные ситуации. Мы уже говорили о неудовлетворительном состоянии тела погибшего фельдъегеря, находившегося в течение 16 дней со дня гибели в леднике таганрогского дворца. Даже если учитывать тот факт, что стоявшие в те ноябрьские дни в Таганроге холода, отчасти могли воспрепятствовать быстрому разложению трупа, все же не нашлось и не могло быть найдено того эффективного средства, которое помешало бы дальнейшему развитию биологического процесса, происходившему с телом Маскова. Со слов очевидцев трупный запах в помещении, где происходило вскрытие, освидетельствование и последующее бальзамирование тела усопшего, стоял такой устойчивый, что докторам Стоффрегену, Добберту и их коллегам пришлось выкурить не одну сигару, чтобы хоть как-то приглушить его концентрацию. Спустя несколько часов все было кончено. Облаченный в генеральский мундир со звездой и орденами в петлице, «лжеимператор» предстал перед взором тех, кто изрядно потрудились над тем, чтобы заставить Россию поверить в физическую смерть Александра I. Только не все так складывалось благополучно, как хотели того ревностные исполнители монаршей воли. Заключение консилиума о вскрытии тела «мнимого царя», напроць противоречащее истинной причине смерти и опровергнутое уже в наши дни авторитетнейшими светилами медицины, загадочная подпись доктора Тарасова на протоколе вскрытия (13), которую он, якобы никогда не ставил и, наконец, необратимость естественного процесса разложения тела, который вносил свои коррективы на весь ход подготовки к похоронным мероприятиям. Даже одежда покойного не в состоянии была скрыть всю пагубность этого процесса. Историк Вадим Шершеневич писал столетие спустя: «Труп жил смертью, и эта смерть просачивалась сквозь лайку перчатки».

Самого же Александра Павловича лошадь уносила далеко от тех событий, которые разворачивались тем временем в таганрогском дворце. Рядом с ним, как всегда был его верный слуга, которому суждено было дописать последние страницы великого романа о

жизни Благословенного монарха. Не исключено, что этим таинственным попутчиком мог оказаться Годефроя, офицер для особых поручений Александра I, теперь уже снявшего с себя не только императорский мундир с регалиями, но и тяжкое бремя власти. Покинув вместе с императором дворец, где все внимание в тот момент было обращено на покойного Маскова, он имел честь в последний раз сопроводить государя до того самого места, где полномочия императорского курьера заканчивались. Где-то за много верст от провинциального Таганрога, на перепутье, Бог знает каких дорог, их пути разошлись. Навсегда.

Примечания:

- (1) Золотая табакерка, подарок Екатерины, которой Николай Зубов ударил Павла I в висок, до 1917 года хранилась в Москве, в Гранатном переулке, в доме Леонтьевых, ранее принадлежавшем Зубовым, где лежала на бархатной подушечке, под стеклянным колпаком. Леонтьевы являлись родственниками и наследниками Зубовых по женской линии.
- (2) Существуют около 40 версий сцены убийства Павла I, записанных и пересказанных со слов очевидцев или третьими лицами. Небезынтересно признание сына графа Палена сделанное им, будучи на смертном одре. В нем он утверждал, что будто бы его отец, предводитель заговорщиков, граф Петр Алексеевич фон Пален своими руками задушил Павла I. Однако, в своем исследовании, известный историк, князь Алексей Трубецкой настаивает на том, что именно скарятинский шарф явился основным орудием убийства русского царя. В момент прощания с покойным, французский посланник, перегнувшись через ограждение, слегка потянул галстук, который плотно облегал шею императора. К своему удивлению, он обнаружил на его шее красный след, оставленный шарфом,
- (3) Из записок графа Ланжерона. «Цареубийство 11 марта 1801 г.», Спб., 1907, с. 149.
- (4) абдикировать – отречься от престола. От французского *abdiquer*
- (5) И.А. Галактионов «Император Александр I и его царствование», Спб., 1877.
- (6) При Александре I состояло восемь офицеров фельдъегерского корпуса, выполнявшие функции офицеров для особых поручений: майор Михайлов Петр Михайлович, капитан Годефроя Карл Карлович, капитан Маркович Александр Сергеевич, капитан Белоусов Александр Валентинович, прапорщик Добровольский Михаил Иванович. Информацией на трех других офицеров для особых поручений Александра I, мы не располагаем. Число выбранных пар, несших дежурство при императоре, составляло: 4 – дневных, 4 – ночных. На данную должность назначались чины корпуса, имевшие безукоризненную репутацию, обладавшие особыми деловыми и морально-психологическими качествами. Как правило, государь уделял их службе особое внимание, поручая, порой, не только секретные, но и самые ответственные поручения, в том числе сугубо личного характера.
- (7) Императрицу в поездке на юг сопровождали: князь П.М. Волконский, статс-секретарь Лонгинов, фельдъегерского корпуса майор П.М. Михайлов, две фрейлины: княгиня Волконская и Екатерина Валуева, доверенные лейб-медики императрицы, доктора Стоффреген, Добберт и Рейнгольд; придворный фармацевт Протт и две горничные.
- (8) Вилламов Григорий Иванович – статс-секретарь собственной Е.И.В. канцелярии. Родился в 1771 г.; в 1788 г. принят студентом в коллегию иностранных дел; в 1789 г. произведен в актуариусы и отправлен во флот, действовавший против шведов, к принцу Нассау-Зигену; в 1792 г. определен в стокгольмскую миссию, в 1794 г. – переводчиком в иностранную коллегию; в 1801 г. назначен «быть у исправления дел» при государыне Марии Федоровне; в 1828 г. назначен статс-секретарем по IV отделению собственной Е.И.В. канцелярии, в каковой должности пробыл до своей смерти, в 1842 г.
- (9) Масков Николай Иванович – фельдъегерь, в Фельдъегерском корпусе служил с 1814 по 1825 год. До поступления в корпус был унтер-офицером одного из российских полков. В 1825 году исключен из списков корпуса по причине смерти.

(10) «Русская старина» 1872 г., т. 6, стр. 118.

(11) «Русский архив» 1880 г, т. 2, стр. 382.

(12) «Русская старина» 1871 г., т. 4, стр. 377.

(13) Протокол о вскрытии подписали:

Дмитриевского военного госпиталя младший хирург, доктор Яковлев;

Лейб-гвардии казачьего полка штатный хирург, доктор Васильев;

Таганрогской карантинной станции главный медик, доктор Лакьер;

надворный советник, лейб-медик Александрович;

статский советник, доктор медицины и хирургии Рейнгольд;

Придворные хирурги:

Лейб-медик баронет Виллие;

коллежский ассесор Добберт;

врач императрицы, действительный статский советник, лейб-медик Стоффреген

и доктор Е.И.В. Тарасов (?)

Последним, кто поставил свою подпись под данным протоколом, был генерал-адъютант Чернышов.

Александр I в Александро-Невской лавре

Лейб-медик Я.В. Вильяев

Князь П.М. Волконский

Полковой штаб-лекарь л.гв. Кавалергардского полка Э.И. Рейнгольд

Барон Дибич

Генерал-адъютант Чернышов

Кончина императора Александра I

Посмертная маска императора Александра I

Похоронный кортеж императора Александра I

19 ноября 1825 года жители Таганрога одними из первых узнали о кончине государя. Казалось, ничто не могло остановить всех желавших проститься с покойным императором: ни ноябрьские холода, ни вооруженное оцепление, едва сдерживавшее людское море, ни расстояние между захолустным Таганрогом и теми населенными пунктами, откуда приходилось добираться простому народу. Чувство скорби, охватившее в те дни всю Россию, по своей значимости могло соперничать лишь с неизмеримым желанием знать, по какой такой причине, человек, отличавшийся всегда отменным здоровьем, мог оставить этот мир? И умер ли он вообще? Говорили, что дошедшие до Черкасска слухи о якобы имевшем месте насильственной смерти Благословенного монарха, подняли «на ноги» несколько тысяч казаков, которые стремглав помчались в Таганрог, чтобы удостовериться в обратном. И лишь подтверждение о том, что «государь скончался точно по воле Господней», охладило разгоряченные казацкие головы. В тот же день, 19 ноября, из Таганрога были отправлены «скорбные» фельдъегеря: в Петербург к императрице Марии Федоровне и в Варшаву к Великому князю Константину. Пока решался вопрос о престолонаследии, за две тысячи верст от столицы, при наглухо закрытых дверях, рождалось то, что в последствии назовут легендой. И каждому из тех, кто находился за этими дверями, суждено было, в той или иной степени, до конца исполнить свой долг. Основная же тяжесть в исполнении своих обязанностей легла на плечи князя Волконского, который в те дни писал: «За две тысячи верст от столицы, в углу империи, без малейших способов и с большою трудностью доставать самые необходимые вещи, по сему случаю нужные, за всякой безделицей принужден посылать во все стороны курьеров... Если бы меня здесь не было, не знаю, как бы сие пошло: ибо все прочие совершенно потеряли голову».

11 декабря, при огромном стечении народа, закрытый гроб с телом Александра I был перевезен в Таганрогский Иерусалимский Греческий монастырь [1], в судьбе которого император Александр I сыграл важную роль. Пока шло прощание с покойным государем, Дибич послал фельдъегеря к Великому князю Николаю Павловичу с намерением получить от того какие либо распоряжения относительно похорон его брата. Императорский курьер не заставил себя долго ждать. Среди прочих особо важных документов, он привез депешу с повелением перевезти останки Его Императорского Величества в Петербург.

Руководство по транспортировке и охране гроба с телом покойного императора было поручено генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову. Елизавета Алексеевна, зная, сколь теплыми были отношения между ее покойным супругом и начальником его личной охраны, пожелала видеть Орлова-Денисова во главе погребальной процессии. В письме от 4 января 1826 года, князь Волконский писал: «Государыне императрице угодно было приказать потребовать генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, коему изволила сама поручить драгоценные останки покойного супруга своего...». Не забыла она и о докторе Тарасове, которому доверила наблюдение за сохранностью тела Александра I. В память о преданной службе Его Величеству Елизавета Алексеевна пожаловала ему траурный бриллиантовый перстень. «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору и потому я никому не могу лучше поручить, как вам, наблюдать во все путешествие за сохранением тела его и проводить гроб его до самой могилы» – писала она. Между тем, остается неясным, по какой причине, ближайший соратник и спутник всех его походов и путешествий, князь Волконский отстранился от участия в траурных мероприятиях.

29 декабря похоронная процессия отправилась в северную столицу. «Публика провожала катафалк до городской черты и далее, за пределами пригорода. Вдовствующая императрица Елизавета Алексеевна присутствовала на последней заупокойной службе и в последний раз

простилась со своим возлюбленным супругом...» – писал в одном из своих писем Волконский Великому князю Константину. Во время следования кортежа с гробом покойного императора были предприняты не только повышенные меры безопасности, но и соблюдены все необходимые ритуальные мероприятия. Напомним, что путь, по которому двигалась траурная процессия, пролегал по девяти губерниям: Екатеринославской, Слободско-Украинской, Курской, Орловской, Тульской, Московской, Тверской, Новгородской и Санкт-Петербургской. На границе каждой из них происходила передача церемониала одним губернатором другому. В городах и селах, где кортеж останавливался на ночлег, гроб помещался в церквях, вокруг которых выставлялось вооруженное оцепление. На всем пути от Таганрога до Санкт-Петербурга, на шоссе, по которому везли гроб государя, сходились люди самых разных сословий и званий. Многие из них стоя на коленях, крестясь, провожали в последний путь того, кто так и не смог оправдать всех их надежд и ожиданий. Известие о кончине Александра Благословенного очень скоро распространилось во все уголки империи. Но, пожалуй, быстрее всего распространялась народная молва, о загадочном фельдъегере и «кукле вощанке», которых «упрятали» под крышкой гроба. Слухи крепили, множились и грозили вылиться в народные волнения. Кого-то эти слухи ни на шутку пугали. Один из современников писал в те дни: «Эти тревожные слухи пугали иных «дураков», кои трусили, уезжали из Москвы или просили часовых для себя на это время». Надо отдать должное графу Орлову-Денисову, сделавшему все от него зависящее для того, чтобы траурный кортеж, несмотря на нарастающий ропот толпы и угрозы вскрытия гроба для подтверждения личности усопшего, благополучно достиг Москвы.

3 февраля 1826 года московский военный генерал-губернатор князь Д.В. Голицын встречал прах покойного императора. От Подольской заставы до стен Кремля, сквозь выстроенные армейские шеренги, он сопровождал колесницу с гробом до Архангельского собора. Трое суток, нескончаемым потоком, люди шли проститься с Александром Благословенным, который остался в их памяти, в первую очередь, как победитель Наполеона и освободитель Европы. По ночам кремлевские ворота наглухо запирались, а воинским частям, находящимся внутри Кремля, был отдан приказ при первой необходимости открывать огонь на поражение. К счастью, ничего такого, что могло омрачить и без того скорбную атмосферу тех дней, не случилось. Москва прощалась с усопшим государем при закрытой крышке гроба. Ее сняли лишь на короткое время 7 февраля в селе Чашникове, со слов доктора Тарасова «для удостоверения насчет положения тела императора». Тщательно осмотрев останки усопшего, он сделал заключение, что «положение самого тела в гробу оказалось в совершенном порядке и сохранности». После чего оба гроба (деревянный и свинцовый) были вновь закрыты. И все же остается неясным, сколько раз вскрывался гроб с телом Александра I? По некоторым данным, во время следования траурного кортежа из Таганрога в Санкт-Петербург с 29 декабря 1825 года по 28 февраля 1826 года гроб вскрывали пять раз. По другим – восемь: из них три раза вскрывали не только деревянный, но и свинцовый гроб и всегда только вечером. Сам же Орлов-Денисов утверждал, что в течение всего пути до Москвы гроб вообще не вскрывался. Лишь в Чашникове, как уже было сказано, Тарасов впервые провел освидетельствование тела императора, где и была снята крышка гроба. 1 марта 1826 года, в Царском Селе, в дворцовой церкви, вдовствующая императрица Мария Федоровна произнесла слова, которые были адресованы тому, кого пытались выдать за ее умершего сына. «Да, это мой сын! Я его хорошо узнаю: это мой дорогой Александр!» Первую фразу она произнесла с особым ударением, словно хотела тем самым подчеркнуть всю несостоятельность сплетен и слухов относительно истинности того факта, что перед ней никто иной, как ее сын, Александр. Этого не могли не слышать граф Орлов-Денисов, доктор Тарасов, камердинер покойного императора Завитаев, находившихся в тот момент по приказу князя

Голицына в церкви за ширмой. По другим источникам, взглянув на потемневшее лицо покойного императора, принявшее со временем светло-каштановый оттенок, она полушепотом произнесла: «Он неузнаваем! Как он исхудал!» Зачем она говорила это? Не затем ли, что не могла не узнать в лежащем в гробу незнакомце дорогие сердцу матери черты? А может быть все сказанное ею было адресовано третьим лицам, которые могли бы донести потомкам эту страшную ложь? Достаточно вспомнить, что в Таганроге перед отправкой в столицу, тело, в данном случае лицо, сильно изменилось, почернело. И это засвидетельствовали присутствовавшие в тот момент Дибич, Волконский и другие «очевидцы». Спустя два с лишним месяца, будучи в Царском Селе, оно вдруг оказалось, со слов Тарасова «в совершенном порядке и сохранности». Кому же верить? Показания первых (Дибича, Волконского, Добберта и др.) крайне противоречат свидетельству доктора Тарасова. И такие противоречия прослеживаются на каждом шагу, вплоть до самого момента погребения Александра I. Историк В.И. Федоров небеспричинно утверждает, что все их «дневники», «воспоминания», «показания» и «утверждения», которые взаимно исключают друг друга, выглядят странно и противоречиво.

Не менее странным выглядел ритуал прощания членов императорской фамилии с усопшим, совершенный под покровом ночи, «без свидетелей», который проходил по некому сценарию, написанного чьей-то незримой и властной рукой. Не был ли он списан с траурного церемониала погребения Екатерины II, который был найден в таганрогском дворце в бумагах императора? Вероятно, его хозяин припас сей документ для особо «торжественного» случая.

После завершения чтения Псалтыря, закрытый гроб был перевезен из Царского Села в небольшую часовню расположенную рядом с Чесменским дворцом. В полночь бранные останки императора были «в аккуратнейшем порядке» извлечены из деревянного гроба и помещены в новый, бронзовый. Туда же сложили распиленные на мелкие части фрагменты прежнего, деревянного гроба.

6 марта 1826 года траурная процессия прибыла в Санкт-Петербург. Семь дней в Казанский собор, куда был помещен гроб с телом Александра I, нескончаемым потоком шли люди.

Николай I, вопреки православным традициям простаться с покойным при открытой крышке гроба, запретил ее снимать.

13 марта, под барабанный бой и чеканный шаг полков, сопровождавших траурный кортеж, гроб с телом монарха прибыл в кафедральный собор Петропавловской крепости. В два часа пополудни, под звуки орудийного салюта, останки Александра Благословенного были опущены в могилу.

В те морозные, мартовские дни, кому-то могло показаться, что в недописанном романе была поставлена точка. В действительности, под гранитную плиту саркофага был упрятан всего лишь тленный прах простого смертного, но ни тайна, которую не возможно было спрятать даже в медный ковчег с гробом несчастного фельдъегеря, наглухо закрытый четырьмя замками [2]. После смерти Александра I оставались бумаги, которые могли бы пролить свет на последние месяцы и дни его царствования. Не исключено, что в них скрывалась разгадка одной из самых величайших тайн человечества. Среди бумаг дневник императрицы Марии Федоровны, а также не менее ценные записки «вдовы» Александра I, императрицы Елизаветы Алексеевны, освещающие события в таганрогском дворце после 11 ноября. Их исчезновение – это очередное звено в загадочной истории с инсценировкой смерти Александра

Благословенного. По-видимому, Николай I, ознакомившись с ними, собственноручно уничтожил их. Невольно возникает вопрос: если компрометирующие рукописи можно было предать огню, то, как следовало, в данном случае поступить с теми, кто, составляя эти рукописи, «творил обман» на высшем государственном уровне? Ведь эти, наделенные властью лица, были посвящены в тайну, участниками которой они однажды стали по воле «умершего» императора. В других подобных случаях от неугодных свидетелей стремились избавляться. Проблема была разрешена сама собою. Еще совершались заупокойные службы по усопшему монарху в далеком Таганроге, когда 14 декабря на Сенатской площади Николай I утопил в крови тех, кто поспешил присягнуть на верность Константину. В отличие от своего брата, Александра, который был осведомлен о тайном обществе и произнесший знаменитую фразу: «Не мне карать...», Николай оказался менее милосердным к бунтовщикам: казнь пяти заговорщиков бунта, жестокие наказания других его участников – каторга, поселение, крепость, отправка на Кавказ простыми солдатами под пули горцев – это неполный список того, что он мог предложить в данном случае. Новоиспеченный император на языке пушек «разобрался» с представителями знатнейших дворянских родов, с героями наполеоновских войн, с теми, кто входил в Париж под знаменами его брата – Александра I.

Подобные меры носили превентивный, поучительно-устрашающий характер, и в будущем должны были охладить головы тем, кто рискнул бы встать у него на пути. Никто не должен был усомниться в законных правах императора Николая на престол. В противном случае – казематы Шлиссельбурга, либо другие не менее мрачные места Российской империи. Благо, на этот счет подобных мест всегда хватало. В отношении узкого круга лиц, посвященных в личные тайны своего брата, Николай Павлович проявил удивительную прозорливость. Став императором, он самым непосредственным образом принял участие в судьбе каждого из них, осыпав своей милостью и монаршим благоволением продвинув по служебной лестнице. Своеобразный аванс за молчание. И они молчали даже на исповеди. Вот, что нам известно о дальнейшей судьбе некоторых участниках таганрогской драмы:

Князь П.М. Волконский был пожалован титулами: фельдмаршала, министра Императорского двора и уделов, а также заведующим Императорских кабинетов.

Барон И.И. Дибич был приближен государем, заслужив его расположение тем, что донес ему об открытии заговора так называемых декабристов, в 1827 году, по возвращении из командировки на Кавказ, ему был пожалован графский титул.

А.И. Чернышев также получил титул графа, а в скором времени и князя.

Обер-вагенмейстер, полковник АД. Соломко (Соломка) был оставлен в императорской свите в прежней занимаемой должности – неприсутствующего члена Придворного конюшенного экипажного комитета, сопровождал Николая I во всех его путешествиях. В 1828 году участвовал в русско-турецкой войне, в 1837 году генерал-ваген-мейстер арсенального паркового инженерного ведомства. С 1843 года генерал-лейтенант.

Метрдотель и повар Ф.И. Миллер, который после смерти Александра I перешел на службу к Николаю I, разбогател, по некоторым данным, на темных делишках. Понастроив дач на Черной речке, он сдавал их на летний сезон. В 1833 и 1835 годах у него снимал дачу А.С. Пушкин с семьей.

Шотландский врач Джеймс Уэйли, известный в России как Яков Васильевич Виллие, оказался

наиболее преуспевающим в карьере и в богатстве в отличие от других участников таганрогской драмы. Лейб-хирург Павла I, главный по армии медицинский инспектор, президент Медико-хирургической академии – с 1808 года, директор Медицинского департамента Военного министерства, лейб-медик императора Александра I и многое другое – это неполный список его блистательной биографии. Приближенный к императорскому двору, он отвечал не только за здоровье августейших особ, но и являлся хранителем дворцовых тайн, в которые он, по долгу службы посвящался. Достаточно вспомнить ночь убийства Павла I, когда трем английским врачам, в том числе и Я.В. Виллие, пришлось «приводить в порядок», т. е. гримировать труп Павла «для выставления», подмазывая и подкрашивая раны на лице и руках. После кончины Александра Благословенного, Виллие поставил, среди прочих, свою подпись на Акте вскрытия тела царя. До сих пор считается, что Виллие входил в узкий круг посвященных в тайные замыслы императора, за что и был вознагражден огромною суммою денег. После загадочной смерти Александра I, судьба и дальше благоволила Якову Васильевичу. Он стал лейб-медиком Николая I. Император высоко оценил заслуги Виллие перед Россией, о чем свидетельствует быстрый рост его карьеры, и многочисленные награды. Интересен факт, касающийся биографии Якова Васильевича: незадолго до смерти в феврале 1854 года Виллие составил завещание, по которому все его состояние передавалось Николаю I (!) для использования во благо русского народа, в частности на развитие российской медицины. Наследство, которым обладал императорский лейб-медик, по скромным подсчетам составляло 1,5 млн. руб. серебром (!!!), при годовом жаловании в 5 тыс. руб. От кого, а главное, за какие заслуги был получен такой «скромный» капитал? Мы можем только догадываться.

За право хранить молчание, щедро был вознагражден и лейб-хирург Александра I, Д.К. Тарасов. Со слов людей, его знавших, он был необычайно богат, имел огромную сумму денег и недвижимость, которых не смог бы нажить самой блестящей медицинской практикой. Но, пожалуй, самой бесценной реликвией в семье Тарасовых была золотая медаль (не для ношения), которую Дмитрий Клементьевич получил после 19 ноября 1825 года. Загадочная медаль сыграла не последнюю роль в судьбе вдовы Д.К. Тарасова. Уже в царствование Александра Александровича, она была удостоена высочайшей монаршей милости.

Получил свою «долю» и самый незаметный участник тех драматических событий – смотритель «дворца» в Таганроге, в котором жил Александр I. К сожалению, его имя нам не известно, но вот, что удалось разыскать историку В.И. Федорову: «Господин Д. Д. в газете «Волга» сообщает следующий факт. Император «умер» в маленьком одноэтажном доме. Дворцом его называли потому, что в нем останавливался царь. Смотритель этого «дворца» был грек Н-ки – простой, малообразованный, честный, семейный человек, малого роста, добродушный. Александра считал чуть ли не богом доброты и чистоты... Уверяли, что этот смотритель знал многое, присутствовал при «болезни» и «смерти», помогал, работал, распоряжался. Он скорбел, но не настолько, как можно было ожидать. И очень быстро утешился, потому что был награжден сверх меры (!).. Его дети были приняты на казенный счет в самые дорогие и аристократические учебные заведения. Сыновья окончили военные учебные заведения и сделали хорошую карьеру».

По-разному сложилась судьба неразлучных спутников покойного царя, фельдъегерей Его Императорского Величества:

В 1826 году звание «капитана» было присвоено К.К. Годафроя, иностранцу, состоящему на службе в особой привилегированной воинской части специального назначения, коим являлся императорский Фельдъегерский корпус. В его послужном списке значилось: «немецкого

золотых и серебряных дел цеха из подмастерьев, принявший на вечное подданство России присягу, крестьян не имеет, российской, немецкой и французской грамоте читать, писать и говорить умеет». Но где бы он ни был, в пути или на отдыхе, в утешение своей совести, он с волнением вспоминал 1812 год, когда получил свой первый чин – фельдъегеря. А потом были 17 лет безупречной службы. И первое знакомство с императором Александром I. И тот незабываемый 1824 год, когда поручик Годефроя получил из рук Его Величества орден Святой Анны 3-й степени, «в воздание же ревностной службы и усердных трудов». Неизвестно, как складывались в течение трех последних лет отношения между офицером для особых поручений Александра Павловича и Николаем I. Несомненно одно, Годефроя до последних дней своей жизни хранил в сердце воспоминания о незабываемых годах, проведенных возле царя Александра, о его тайне, которую он унес с собой в могилу. В 1829 году он был исключен из списков фельдъегерского корпуса по причине смерти.

Несмотря на всю трудность фельдъегерской службы в период царствования Николая I, все-таки встречались такие крепкие физически и нравственные натуры из числа чинов фельдъегерского корпуса, которые справили 50-летие своей государственной службы. Это были майор А.С. Маркович и капитан А.В. Белоусов, оба в прошлом занимавшие должности офицеров для особых поручений Александра I. Император Николай щедро вознаграждал верных слуг своего брата. В особом Указе по корпусу значилось: «За 50-летнюю отлично-усердную службу» произвести капитана Белоусова в майоры [3], а майора Марковича наградить орденом Святой Анны 2-й степени [4]. Надо, однако, заметить, что, по обычаю того времени, оба должны были сами ходатайствовать о своем награждении особыми рапортами, в которых они о своей полувековой службе «всепокорнейшее просят доложить Государю Императору». Николай Павлович хорошо знал личных фельдъегерей Александра, которые выполняли его поручения и доставляли от императора членам его фамилии государственную и личную корреспонденцию. Но была и другая причина, по которой Николай I включил в состав своей свиты фельдъегерей служивших в свою бытность у его «покойного» брата – тайна, в которую они были посвящены и которую поклялись унести в могилу. Оба майора, Белоусов и Маркович, до самой смерти оставались в составе фельдъегерского корпуса и были исключены затем умершими первый – в 1849 году, а второй – в 1852 году, т. е. прослужа всего 54 года в военной службе, из них около 50 лет – в составе корпуса.

Николай Павлович также не остался безучастным в судьбе вдовы и детей Маскова. Семье погибшего фельдъегеря была назначена солидная пенсия, и императорское казначейство редко отказывало им в просьбе о выделении дополнительных денежных сумм. Дочь Маскова была зачислена в исключительно привилегированно учебное заведение – Смольный институт.

И это учитывая ее недворянское происхождение, в то время как в институте благородных девиц проходили обучение девушки из лучших дворянских фамилий. Более того, Николай I, до конца своей жизни оставался лояльным к семейному преданию родственников Маскова, что тело их предка покоится в гробнице Александра I в императорской усыпальнице собора Петропавловской крепости.

Но оставим на время северную Пальмиру и перенесемся в далекую Сибирь, в 1836 год. Ранней осенью того же года, возле одной из кузниц, недалеко от города Красноуфимска Пермской губернии местные крестьяне задержали подозрительного человека. На все задаваемые ему вопросы о своем происхождении он отвечал неохотно и уклончиво. Да и внешность загадочного странника не соответствовала его поведению. Благообразная наружность, изысканность манер не могла гармонировать с той грубой крестьянской

одеждой, во что был облачен незнакомец. Оставалось одно – доставить его в город для полного разбирательства. В земском суде открылись некоторые, весьма скупые детали его биографии: 70 лет от роду, неграмотен, исповедания православного греко-российского, холост, не помнящий своего происхождения с младенчества, много путешествовал, останавливаясь на постой у разных людей и, напоследок вознамерился отправиться в Сибирь. На просьбы назвать свое настоящее имя и звание старец либо молчал, либо продолжал считать себя бродягою. В конечном счете, суд определил в качестве наказания 20 ударов плетью и к ссылке в Сибирь на поселение. «За бродяжничество», таков был вердикт земского суда. В удивление многим, старец Феодор Козьмин (Козьмич) (так звали загадочного странника) своим приговором остался доволен.

В сентябре 1836 года в арестантской партии под конвоем он был отправлен по этапу в деревню Зерцалы Боготольской волости Ачинского уезда. Во время следования этапом по сибирским дорогам Феодор Козьмич своим поведением, услужливой заботливостью о слабых и больных, теплыми душевными беседами и утешениями смог расположить к себе не только арестантов, но и офицеров и солдат конвоя. В благодарность за это они старались облегчить нелегкую участь старца: охраняли от неприятностей и негодных людей. Во время ночлега отводили ему более комфортное помещение. А самое главное, Феодор Козьмич был освобожден от оков, в отличие от остальных арестантов пересыльной партии.

26 марта 1837 года он прибыл на место приписки и был помещен на Краснореченский винокуренный завод, находившийся в 15 верстах от Зерцал. По причине своих преклонных лет он был освобожден от принудительных работ. Более всего старец тяготел к уединению, к тихой безмолвной жизни. Это заставляло его некоторое время менять свое место жительства, переезжая из одного селения в другое. За свою прозорливость, кроткость, теплоту и любовь ко всем людям, независимо, от того, кто перед ним был – нищий или состоятельный человек, Феодор Козьмич получал с их стороны взаимную любовь и внимание. Порой, чрезмерные вопросы и неодолимое желание назойливых мирян утвердиться в том, что перед ними никто иной, как сам исчезнувший император Александр Благословенный, заставляли старца искать более спокойные места. К примеру (в 1842 году), заметив однажды, желание старца удалиться от людей, казак Симеон Сидоров построил ему келью-избушку в станице Белоярской. Многие зажиточные крестьяне звали Феодора Козьмича переехать в их дома, но, отказавшись от всех благ суетного мира, он всегда выбирал себе жилье с наименьшими удобствами, а чаще всего и без них вообще. По этой причине, отказавшись от комфорта, старец перебрался в избушку беднейшего крестьянина Ивана Малых. В семейном кругу бывшего каторжника, Феодор Козьмич провел суровую зиму. В начале весны, крестьяне соорудили ему из старого овечьего хлева новое жилье, в котором старец справил свое очередное «новоселье». Здесь он прожил десять лет. Последующие годы старец Феодор провел в скитаниях. Из Белоярска он отправился в Зерцалы, оттуда – на золотые прииски на Енисее, а затем – на пустынные берега реки Чулым. Удалившись глубоко в тайгу, он поселился у деревни Коробейниково, где провел несколько месяцев. В 1849 году, Феодор Козьмич перебрался в келью, построенную специально для него крестьянином Иваном Латышевым недалеко от села Краснореченского. Поражает суровость быта, отсутствие элементарных человеческих удобств, на которые подвинул себя богомольный старец-отшельник. Внешний вид небольшого домика, состоящего из тесной кельи с маленьким окошком и небольших сеней свидетельствовал о том, что хозяин этого «дворца» – человек чрезвычайно простой и мужественный. Кроватью старцу служила голая доска, которую со временем по его просьбе обили грубым холстом, подушку заменял деревянный тесаный чурбан. Вероятно, некоторые детали внутреннего интерьера скромного жилища, были позаимствованы из далекого 1825

года, когда он впервые переступил порог жилища убеленного сединой схимника Алексия. В келье Феодора Козьмича также находились простой стол и несколько скамеек для посетителей. Висевшие в переднем углу иконы, картины на стене, с видами святых мест – это, пожалуй, все, что могло бросаться в глаза гостям Феодора Козьмича. Особо почитал старец икону святого благоверного князя Александра Невского, день памяти которого приходился на 30 августа. У себя в келье старец Феодор принимал, всех, приходивших к нему за советом или моральной поддержкой. И, как правило, за свои «услуги» денег никогда ни у кого не брал и даже не имел их у себя. Но были в их числе те, кого старец не желал видеть ни при каких обстоятельствах. Одним из этого числа был ближайший друг и советник Александра I, граф генерал Клейнмихель, служившего в бытность начальником штаба у Аракчеева. Находясь в инспекционной поездке по Сибири, он посетил Краснореченскую лечебницу. В то время в ней находился на излечении Феодор Козьмич. Всюду, куда заходил генерал, ему оказывалось самое радушное внимание и почтение, кроме... одного больного, который пренебрег этим установленным для почетных гостей правилом. Накрывшись с головою одеялом и отвернувшись лицом к стене, старец наотрез отказался отвечать на задаваемые ему генералом вопросы. Вероятно, Феодор Козьмич боялся, что Клейнмихель узнает в нем «умершего при загадочных обстоятельствах» императора.

Последние годы своей жизни старец Феодор Козьмич провел в окрестностях Томска. В ту пору небольшой сибирский город был охвачен «золотой лихорадкой», начавшейся с 1828 года после обнаружения золотых россыпей в Мариинском округе Томской губернии, и продолжавшейся до 1860-х годов. Познакомившись с купцом Семеном (Симеоном) Феофантьевичем Хромовым, старец любезно согласился поселиться у него в загородном имении, где тот собирался построить для Феодора Козьмича домик. Несмотря на установившиеся между старцем Феодором и Хромовым дружеские отношения, последний, все чаще задавал себе вопрос: «Кто он, этот таинственный незнакомец?» Общаясь с ним, Хромов все отчетливее убеждался в том, что человек, которого он приютил, скрывал от окружающих и от него в том числе, что-то очень для себя важное. Чрезмерная простота образа жизни богомольного старца ни в коей мере не соответствовала тем глубоким познаниям светского этикета и малоизвестным фактам из жизни императорской фамилии, которыми он располагал. И, тем не менее, небольшой домик для старца был отстроен в самое короткое время. Новая келья, в которую переселился Феодор Козьмич, состояла из одной комнаты и небольшой прихожей, в которой нашлось место даже для чулана. В отличие от прежних мест его обитания, в которых напрочь отсутствовало само понятие мебели, Хромов изготовил для старца Феодора скромную обстановку: грубо сколоченный деревянный стол, три стула, пара скамеек, шкафчик, маленькая печь и койка с досками вместо (!) матраца, на которой лежали простая подушка и тяжелое стеганое одеяло. Но самым сокровенным для старца был сундук, содержимое которого было не менее таинственным, чем его обладатель. В нем он прятал от посторонних глаз, в том числе и от Хромова, различные рукописи и пакеты с бумагами.

Но опустим некоторые эпизоды из жизни Феодора Козьмича, тем более, что благие деяния, присущие старцу по жизни – это отдельная глава его биографии, которая требует более детального изучения и особого почитания. Все, к чему когда-либо прикасалась блаженная рука старца, все слова, им сказанные однажды, со временем приобрели более значимые формы и ощущения. Особенно в последние годы его жизни. 19 января 1864 года, стало ясно, что силы покидают старца. В те дни к Феодору Козьмичу был приглашен иеромонах Томского Богородице-Алексиевского монастыря отец Рафаил, который исповедовал больного и причастил Святых Таин. Даже на смертном одре старец не назвал свое настоящее имя. А на вопрос Семена Хромова, относительно причастности старца к личности Александра

Благословенного, получил ответ: «Чудны дела Твои, Господи. Нет тайны, которая бы не открылась».

2 февраля (20 января по старому стилю) 1864 года, в 8 ч. 45 м. старец Феодор Козьмич, тихо без мучений отдал Богу свою праведную душу. Правая рука лежала на груди со сложением перстов для крестного знамения. В тот же день скорбная весть о кончине Феодора Козьмича облетела весь Томск и его окрестности. Множество народа окружило дом купца Хромова, где скончался всеми любимый Праведник. Все, начиная от местной аристократии и кончая нищими, которых щедро одаривал своей любовью и вниманием при жизни Феодор Козьмич, спешили поклониться телу усопшего старца.

В далеком Петербурге поклонился светлому образу святого Праведника лейб-хирург Его Императорского Величества Д.К. Тарасов. Вплоть до 1864 года, он категорически, под любыми предлогами отказывался посещать панихиды по умершему Александру I, которые совершались каждый год 19 ноября. В 1865 году Тарасов узнал о смерти Феодора Козьмича. И уже со следующего года, впервые за сорок лет, со дня кончины Александра, он стал служить их ежегодно, во многих петербургских храмах, кроме одного – кафедрального собора Петропавловской крепости (!).

Похоронили Феодора Козьмича на кладбище Томского Богородице-Алексеевского мужского монастыря, к северо-востоку от главного алтаря Казанского храма. После его блаженной кончины почитание святого старца не только не прекратилось, но с каждым годом крепло и умножалось. И как подтверждение тому, в 1904 году, по инициативе и благословению настоятеля монастыря архимандрита Ионы (Изосимова), на могиле старца была возведена часовня. Во время закладки фундамента под часовню была частично вскрыта могила старца. По свидетельству настоятеля монастыря и присутствовавших при этом подрядчика И.П. Леднева и выпускника Петербургской академии художеств, архитектора В.Ф. Оржешко, мощи Феодора Козьмича остались нетленны. Следует отметить, что построенная с особой любовью и мастерством часовня была первой серьезной работой талантливого мастера (архитектора В.Ф. Оржешко). На главной часовенной иконе были изображены святой благоверный князь Александр Невский, покровитель императора Александра I и святой мученик Феодор Стратилат, покровитель старца Феодора. После закрытия Казанской церкви в 1929 году прилегающая к храму территория стала приходить в запустение. Но самым, пожалуй, кощунственным было осквернение могилы старца Феодора Козьмича. В 1936 году, борцы с религией полностью разрушили часовню, а углубление каменного саркофага (около 2,5 м), на дне которого в простом деревянном гробе покоились останки старца, превратили в отхожее место. Со временем могилу засыпали окончательно помоями, грязью и мусором. По этой причине очень долгое время нельзя было определить точного места нахождения могилы Феодора Козьмича.

В 1984 году, накануне празднования 1000-летия крещения Руси, по благословению Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Пимена праведный старец Феодор был причислен к лику Святых. С 1992 года начались активные работы по приведению в порядок территории монастыря. Одновременно с этим возобновились богослужения в Казанском храме. Многих томичан волновал вопрос: что же стало с останками Феодора Козьмича? Летом 1995 года начались поиски могилы старца. Студенты старшего курса Томской Духовной семинарии на предполагаемом месте захоронения стали по спирали через промежутки выкапывать ямки в земле для того, чтобы отыскать остатки каменного саркофага. Наконец, лопата одного из семинаристов, на трехметровой глубине наткнулась на каменное изваяние.

Потребовалось еще какое то время, для того, чтобы извлечь из саркофага тонны мусора, помоев, костей животных, грязи и кала. Взору копавших и наблюдавших за работами людей открылась ужасная картина людского бесчестья и вандализма. От земли шел сильный смрад, но сильнее смрада был позор кошунства, которое допустили наши предки в отношении могилы великого старца. Очевидцы рассказывали, что после того, как могила, наконец-таки освободилась от нечистот на синем небе засияла радуга, являющейся по свидетельству Священного Писания, знамением божественного благоволения. Раскопки продолжились и на следующий день до самого вечера, но теперь под присмотром милиции, прокуратуры, представителей областного комитета по культуре и специалиста в области археологии профессора Томского Государственного университета Л.А. Чиндиной. Земля в саркофаге была буквально просеяна по зернышку, но никаких признаков останков найдено не было. Людмила Чиндина, выполнявшая роль консультанта по раскопкам, посоветовала семинаристам снять еще один слой земли. Ее предположения о более глубоком залегании гроба с останками старца подтвердились. Буквально на глазах многочисленных свидетелей, при свете электрических ламп (был уже вечер), было вскрыто дно саркофага, в котором на полуметровом углублении находилась нижняя половина гроба с останками старца Феодора. После кропотливой и напряженной работы были обретыены все кости скелета, за исключением одной бедренной кости и черепа, а также верхней крышки гроба. Вот как прокомментировал Владимир Ищенко увиденное на страницах Томских епархиальных ведомостей: «Погребенный лежал со сложенными крестообразно на груди руками. Были обнаружены плохо сохранившиеся сапоги и остатки одежды. Но кости и части гроба сохранились хорошо. Все найденные на дне гроба останки перенесли в Казанскую церковь, там археологи и специалисты-патологоанатомы, описывая каждую косточку, выложили их в скелет». Ни у кого не было сомнений – это были останки старца Феодора. По завершении работ, во втором часу ночи, был отслужен благодарственный молебен. Затем обретенные мощи старца были помещены в специально устроенный для них ковчег, который со временем был заменен на резную раку, установленную в Казанской церкви Томского Богородице-Алексиевского мужского монастыря.

С момента канонизации святого праведного старца Феодора Томского до обретения его мощей прошло 11 лет. Сибирь вновь получила своего молитвенника и покровителя, который почитался не только при жизни, но и после смерти. Сегодня Томск по праву является центром паломничества к святым мощам великого старца. Хотелось бы верить в то, что в далекой сибирской земле, в образе Феодора Козьмича, обрел свой душевный покой русский царь Александр I. Но это вопрос для дальнейших серьезных исторических исследований, в котором свое первое слово должны сказать специалисты-генетики. А это следующая глава нашего повествования.

Ежегодно память святого праведного Феодора совершается в обители в день его преставления 2 февраля (20 января по старому стилю) и 5 июля – в день обретения честных его мощей, а также в Соборе Сибирских святых 23 июня.

Тропарь праведному Феодору Томскому, глас 4: *Жизни светския праведные Феодора удалився, в землю Сибирскую вольно приити изволив, чудесы и знаменъми Божиими народ Томский удивилеси, и по смерти своей веру чтущих тя укреплявши. Поминай нас, чтущих память твою, отче наш Феодоре!*

Примечания:

[1] Таганрогский Иерусалимский Греческий монастырь во имя Святой Троицы, Святого

благочестивого князя Александра Невского и Святого Иоанна Златоуста (мужской). Обычно называемый Иерусалимский Александровский монастырь или Греческий Свято-Троицкий монастырь. Это был единственный в России храм в строго византийском стиле.

30 августа 1814 года император Александр I издал указ, согласно которому статус монастыря, по поданному его основателем и известным меценатом И.А. Варваца (1750 – 1825) (он же Иоаннис Андреас Леонтидис) прошению, уподоблялся Московскому Николаевскому монастырю в ведении Афонской Иверской обители. Богослужение должно было совершаться греческим архимандритом и братией. В 1825 году монастырь посетил император Александр I и императрицей Елизаветой Алексеевной.

[2] Гроб с телом покойного императора был помещен в медный ковчег, который запирался четырьмя замками.

[3] Майору А.В. Белоусову, в 1839 году, за выслугу 25 лет в офицерских чинах, был жалован Орден Святого Георгия 4-й степени.

[4] Майору А.С. Марковичу, в 1846 году, за выслугу 35 лет в офицерских чинах, был жалован Орден Святого Владимира 4-й степени.

Источники:

Томские епархиальные ведомости, № 1 (107) январь, 2006 г., № 5 (111) июль, 2006 г.

Русский Дом, № 3, 2002 г., стр. 26-27.

Житие Святого Праведного Старца Феодора Томского, Санкт-Петербург, 2005 г.

Хореев С. В. «Легенды и мифы старого Томска», Томск, 2004 г.

«Два монарха и таинственный старец Федор Козьмич», «Скит», 1992 г.

Сахаров А. Н. «Человек на троне», Москва, 1994 г.

Анри Труайя «Александр I», Москва, 1997 г.

Фомин С. В. «Сибирский старец Федор Козьмич», М., 2003 г.

Алексей Трубецкой «Александр I», «Эксмо», 2003 г.

Оболенский Г. Л. «Император Павел I», Смоленск, 1996 г.

Архангельский А. Н. «Александр I», Москва, 2006 г.

Федоров В. И. «Александр Благословенный – святой старец Федор Томский: монарх – монах», Томск, 2002 г.

Василии Г. «Император Александр I и старец Федор Кузьмич», Москва, 1991 г. (репринтное воспроизведение 1911 г.).

Мережковский Д. С. «Александр Первый», М., «Пресса», 1994 г.

Шильдер Н. К. «Император Александр I. Его жизнь и царствование», т. 1-4, СПб, 1904-1905 гг.

Адрианов А. В. «Томская старина», Томск, 1912 г.

Барятинский В. В. «Царственный мистик (Император Александр I – Федор Кузьмич)», издательство «Прометей», 1912 г.

Бурмакин Э. В. «Трагическое падение тополея», Томск, ТГУ, 2003 г.

Валлотон А. «Александр I», М., 1991 г.

Сахаров А. Н. «Александр I: жажда и боязнь реформ», Вестник РАН, 1994 г., № 10, т. 64.

Сахаров А. Н. «Человек на троне», М., 1992 г.

Сироткин В. «Властитель слабый и лукавый, или почему не пошла перестройка у Александра I», Наука и жизнь, № 6, 1990 г., стр. 116-121.

«Тайны томского старца: неизвестные документы», Русская провинция, № 4, 1994 г., стр. 72-80.

Гуляев Ю. Н., Соглаев В. Т. «Фельдмаршал Кутузов», Москва, 1995 г.

«Воспоминания моей жизни. Записки почетного лейб – хирурга Д. К. Тарасова», Русская Старина, 1871 г., т. 4, стр. 223-261, 377; 1872 г., т. 5, стр. 355-388, т. 6, стр. 100-143.

«Дневник лейб-медика, баронета Я. В. Виллие», Русская Старина, 1892 г., т. 73, стр. 69-78.

«Император Александр I на юге России: из рассказов очевидцев, записанных кн. Волконской З. А. о последних днях жизни Александра I», Русская Старина, 1878 г., т. 21, стр. 139 -150.

«История болезни и последних минут Александра I», Русская Старина, 1872 г., т. 6, стр. 152-162.

«Документы, относящиеся к последним месяцам жизни и кончине императора Александра Павловича, оставшиеся после смерти генвагенмейстера А. Д. Соломко», СПб, 1910 г., стр. 112.

Трифанов М. А. «Фельдъегерская связь России», Москва, 1994 г.

«Столетие фельдъегерского корпуса: 1796-1896», С.-Петербург, 1896 г.

Святой праведный старец Феодор Томский

Рака с мощами старца Феодора Томского

Крестовая часть Казанской иконы Пресвятой Богородицы Томского Богородице-Алексиевского монастыря, в котором находятся мощи святого праведного Феодора

5 июля – одиннадцатая годовщина обретения мощей святого Феодора старца томского

Александр Бураков

Опубликовано в военно-историческом журнале

«Рейтар» № 35 (2/2007) (с. 44-62), № 36 (3/2007) (с. 140-156)